

ГЛАВА 1

— Во-о-он тот, Евгения, седой господин... — громко прошептал Арцах Варданян, одними глазами показывая на музыкантов на сцене. — Нет, не контрабас. Пианино. Заметили?

— Ага. — Я отвечала, скрыв рот за бокалом. Очень не хотелось, чтобы седой пианист заметил наши перешептывания. С учетом того, что мой спутник (журналист старейшей тарасовской газеты) успел мне рассказать, — не хотелось вдвойне.

Опять же невежливо. Пришли на концерт джазовой музыки: редкая изысканная программа, виртуозы-музыканты. Надо воздать должное, а заодно посидеть спокойно в приятной обстановке, пока есть возможность.

Седой господин за пианино продолжал играть, время от времени обводя зал обманчиво-рассеянным взглядом. На пару секунд задержал взор на нашем столике. И я, и Арцах, не сговариваясь, подняли бокалы, приветствуя моего вероятного заказчика.

— Заметил, заметил. — Арцах подождал, пока пианист отвернулся, и только тогда, чуть

быстрее, чем нужно, выпил свой бокал. Потом, который раз за вечер, поправил запонки на обоих рукавах.

Я, напротив, ощущала полное спокойствие. Малый зал Тарасовской консерватории: самая что ни на есть возвышенная обстановка, леги в бархате и драгоценностях (я в шелке, но это частности), джентльмены в костюмах, вино старше, чем моя тетушка Людмила... Отчего не насладиться?

Одно из первых правил, которому меня научила даже не телохранительская, а еще спецназовская бойцовская жизнь: цени моменты покоя. Обстоятельства меняются стремительно; поэтому, если имеешь возможность передохнуть — передохни, черт побери, и не парься.

Вот и я *не парилась*: поймала заинтересованный взгляд мужчины за два столика от нас (оставила без внимания, не мой типаж); подозвала жестом официанта, прося вновь наполнить бокалы; и, когда музыканты отыграли, негромко поаплодировала вместе со всеми. Слишком громкие аплодисменты здесь считались вульгарными.

Словом, я втянулась и наслаждалась концертом. Не особенно люблю все эти музыкальные мероприятия. Или просто не успеваю их полюбить, так как у меня нет времени их посещать. Но этот понравился.

А вот Арцах и скучал, и нервничал, стараясь, впрочем, этого не показывать.

— Боже, еще сорок минут сидеть... — простонал он, когда мы с ним в антракте вышли

на царских размеров балкон (отдельная достопримечательность здания консерватории). Оба мы не курили, но захотелось подышать свежим воздухом.

— Не любите классику? — хмыкнула я. — А вчера-то соловьем разливались, уговаривали...

— Это дань уважения пианисту. — Арцах опасливо оглянулся. Будто мой будущий заказчик не в примерку к себе пошел, отдохнуть перед вторым отделением, а подслушивал прямо тут, за алым занавесом у балконной двери.

— Я с ваших слов поняла, что он сам заинтересован во встрече, — неприятно удивилась я. — А теперь, оказывается, мы перед ним должны выплясывать?

— Не мы, Евгения Максимовна, — уточнил Варданян. — а всего лишь я. Да и то — не выплясывать, а так, щелкнуть каблуками и почтительно склонить голову, когда он мимо проходить будет.

...имя заказчика — Артур Лаврентьевич Соколов — Арцах сообщил мне при личной встрече два дня назад, в кофейне своей бабули (к слову, бывшей контрабандистки и по совместительству бухгалтера в центральном отделении полиции Тарасова).

Сообщил один раз, один раз повторил — и все. После, в телефонном разговоре, Варданян называл его «заказчик», а сегодня — «он» и «пианист». Так и хотелось предложить ему вариант, как в «Гарри Поттере»: Тот-Кого-Нельзя-Называть. Ей-ей, такого маразма у меня даже при работе на мафиози не случилось.

— И что за трепет такой от простого пианиста? — весело осведомилась я. Вопрос был с подвохом, конечно: ведь Соколов был не только пианистом, и недооценивать его не стоило.

Но Арцах был напряжен несоответственно ситуации, на мой взгляд. Хотя всех дел ему было — представить меня господину Соколову после выступления, а дальше я сама. Чай, не девочка уже, с моим-то стажем телохранительским. Если не столкнусь, так это и не конец света будет. Седой пианист наймет еще кого-нибудь для охраны, не исключаю, что и по моей рекомендации.

Варданын, отвернувшись, барабанил пальцами по каменному бортику балконного ограждения.

— Да ладно, — я пихнула его рукой в плечо, чтоб обернулся, — что, подгадили ему и не убрали?

— Тьфу на вас. Перед таким попробуй не уברי. — Он обернулся и улыбнулся, но как-то натянуто. — Я вам больше скажу, я и подгадить-то не успел. Готовил серию статей о его... подвигах, а он об этом узнал. И постарался объяснить мне всеми доступными средствами, что публиковать эти статьи *не стоит*.

— Вы же все равно опубликовали, — озадачилась я.

Арцах поджал губы, отчего вид у него стал суровый. Очень ему это шло, и мне снова стало чуть-чуть жаль, что мы остались только друзьями. Ну, что поделать.

— Да. Ему это *очень* не понравилось. Ему вообще не нравится, когда приходится с кем-то считаться.

Выражение лица у меня стало более чем скептическое. Арцах поспешил пояснить:

— То есть когда кто-то может серьезно испоганить ему всю малину, понимаете? И с этим кем-то приходится считаться. Вот я, например...

— Теперь ясно, — нахмурилась я. — Он не любит препятствия, которые нельзя убрать, так?

— Или нельзя, или о-о-очень трудно и рискованно. Пойдемте в зал?

Я продела свою руку Арцаху под локоть, чтобы вернуться на наши места совсем уж чинно-культурно. Когда еще выпадет случай изображать из себя светскую даму из высшего общества!

Такую *бонтонность* соблюдали не все зрители: высокая, с широковатыми плечами женщина пронеслась мимо нас, придерживая подол длинного платья. Ступни из-под него виднелись тоже внушительные: размер сорок второй, если не сорок третий. Гренадерша!

— О, вот как раз одно, — тихо отметил Арцах, когда дама скрылась в дверях зала.

— Препятствие? — догадалась я. — Эта женщина?

— Ага. — Варданын оглянулся, удостоверюсь, что никто не подслушивает. И добавил еще тише и серьезнее: — Имейте в виду, что это не женщина.

— Как это — не женщина? — шепотом воскликнула я и притормозила у лестницы, якобы

поправить туфлю. — Она перед первым отделением в женский туалет зашла одновременно со мной!

И не только. Большеногая дамочка оказалась в соседней со мной кабинке, шумно возилась там, шепотом ругая «невозможное платье»; а потом очень вежливо, через стенку, осведомилась у меня — есть ли в моей кабинке туалетная бумага. Бумага была, и я незамедлительно ею поделилась.

Потом мы с этой дамой мыли руки в соседних раковинах, бок о бок. Она еще задержалась перед зеркалом, поправила помаду, взбила прическу попышнее... при всей ее комплекции в ней не было ничего мужского. Плавные, изящные женские движения, привычное и ловкое владение косметикой, покачивание бедрами при ходьбе и высоковатый голос. Да, ростом выше меня (а во мне полноценные метр восемьдесят). Но женщина же!

Или нет?

— Хотите сказать, — я оперлась одной рукой о плечо Варданяна и шипела ему на ухо: — что это мужик в платье?

— Именно это я и хочу сказать, — без улыбки подтвердил Арцах.

Н-да, вечер перестал быть томным. Не успела с клиентом познакомиться, как вон уже что *вскрылось*... Но кто предупрежден, тот вооружен: о вероятных затруднениях в работе лучше знать заранее. Тем более что сами заказчики далеко не всегда и не сразу обрисовывают мне полный расклад. А Арцах врать не станет.

Координатор у входа в зал поторопил нас, поэтому продолжить разговор мы не смогли. Но прямо у входа в зал я взглядом отыскала эту *не-даму*. И мне очень не понравилось, что она сидела на ряду позади нас, чуть сзади и справа. Слишком удобный обзор: так она (тьфу, то есть он, он) могла видеть и нас, и музыкантов.

— Этот в платье — он вас знает? — только и успела спросить я, задержав Арцах у дверей, чтобы с ласковой улыбкой поправить ему галстук.

— Да, — кратко подтвердил Арцах, снова сгибая руку в локте, чтобы я оперлась. Он был ниже меня на десять сантиметров, так что, наверное, мы слегка привлекали внимание.

(Галантный армянский джентльмен и прекрасная леди из Владивостока, держим лица, не расслабляемся.)

Вот вернуться к прежнему спокойствию и дальше беззаботно наслаждаться концертом не получалось, хоть ты тресни. Внутренне я уже *подобралась*, как бывает со мной в потенциально небезопасной обстановке.

ТелохраниТЕЛЬский стаж, ага.

От третьей порции вина отказались и я, и Арцах.

Седой пианист Артур Лаврентьевич в моих глазах окончательно перестал быть уютным толстячком предпенсионного возраста. Спросить бы сейчас Арцаху Суреновича, отчего он вдруг согласился выступить посредником и дал Соколову мои рекомендации... но, пожалуй, это я выясню уже у самого Соколова. Варда-

нян-то попросил меня об этой встрече в рамках «дружеской услуги». Клятвенно заверял, что «никаких обязательств, вы, разумеется, сами решите, браться за работу или нет», и что «за мной будет должок, хоть ночью разбудите — отдавать побегу».

В финале выступления артисты, все в черном, как на подбор, выстроились на поклон у края сцены. Медленно кланялись, устало улыбаясь друг другу и зрителям.

Рослая «дамочка» за нашими спинами во время оваций вскочила и, выкрикивая «Браво!», ринулась вперед, придерживая рукой внушительную корзину с цветами. Возле Соколова она оказалась аккурат в тот момент, когда он согнулся в очередном поклоне. Оттого он едва не уткнулся лицом прямо в протянутые ему цветы.

Если бы я уже охраняла Артура Лаврентьевича, этому субъекту в платье пришлось бы вести себя более сдержанно. А так вышло даже забавно. Соколов, впрочем, цветы невозмутимо принял и так с ними и простоял, пережидая овации: кланяться с этакой корзинищей и дальше было невозможно.

И спрятать в такой *бандуре с цветами* можно что угодно, невольно подметила я. Уж я бы ее проверила на предмет всякого *излишнего*. Бомбы, жучки-маячки, скрытые камеры, яд... Мало ли!

Но сейчас цветы не были моей проблемой, как и этот трансвестит. Может быть, и не станут.

...координатор — такой же пожилой и степенный, как музыканты, — не дал нам с Арцахом и шагу ступить от столика. Кашлянул, привлекая внимание, обратился ко мне:

— Артур Лаврентьевич просит вас пройти за кулисы.

Ага, щас. Много хочет.

Арцах нахмурился — похоже, не рассчитывал на такой поворот.

— И вас тоже, Арцах Суренович. — Координатор не дал моему спутнику и рта раскрыть для возражений.

Я, впрочем, тоже не успела возразить. Варданян шумно вдохнул и тихо попросил меня:

— Лучше пойдем.

Координатор был уже у дверей, явно торопя нас. Ишь ты.

— Кого ж это вы мне в подопечные сватаете? — прошипела я.

— Речь идет только о встрече. Не понравится — откажетесь, — напомнил Арцах.

— А этот господин, надеюсь, отказы принимает? Не придется разубеждать силовыми методами?

— Нет. Поверьте, он очень такое не любит.

Координатор, метрах в трех от нас, вел нас длинным *закулисным* коридором, а мы перешептывались, будто нашалившие дети.

Мелькнула внезапная мысль: хорошо, что тетушка Мила сейчас в санатории аж под Петрозаводском. Красоты Карелии, чистый воздух, сосны... и быть ей в этом раю — уф! — еще шесть недель.

— Да-да, войдите пожалуйста! — Голос у пианиста оказался мягкий. От обладателя такого не будешь ожидать жесткого напора. Но я была готова уже к чему угодно. Как и всегда: профессиональная привычка.

— Артур Лаврентьевич, вот, как вы просили... — Координатор кивнул на нас обоих, будто на доставленные под заказ деликатесы.

Вот тут у нас заливное из баранины, а это — лебединое суфле...

Тьфу ты, черт.

— Благодарю вас, Александр Владимирович, что привели. Больше ничего не требуется.

Координатор откланялся и вышел, и бровью не поведя на зверски развороченную корзину с цветами. Хотя ошметки зеленой губки (такую используют флористы), листья и лепестки усеивали диван и добрую часть пола. Сама корзина была пуста.

— Меры предосторожности, — кивнул Артур Лаврентьевич, заметив мой взгляд, — прошу простить за беспорядок.

Он успел снять концертный пиджак, и бабочку развязал, и нацепил круглые очки. Сделался чрезвычайно уютным и домашним на вид; *безобидный как зефирка*, как сказала бы моя тетушка.

Словом, никак не напоминал матерого взломщика и вора. Коим и являлся в придачу к утонченной профессии пианиста. Интересно, кем стал раньше — вором или музыкантом?

— Артур Лаврентьевич Соколов, пианист, —
■ Евгения Максимовна Охотникова, телохрани-

тель. — Арцах странным образом перестал быть и нервным, и напряженным. Видимо, самое неприятное уже свершилось. Или он просто не показывал слабость перед лицом врага, так сказать. — Евгения Максимовна Охотникова — Артур Лаврентьевич Соколов.

— Очень приятно, Евгения Максимовна. — Мой потенциальный клиент пожал мне руку. Уверенно и крепко, даже властно.

— Взаимно. — Мое рукопожатие было не слабее.

— Арцах Суренович? — Соколов протянул руку и ему. — Ну-ну, не хмурьтесь, где ваши манеры? Оставили дома, с почтенной Гаруник Арамовной? Как ее здоровье?

— Бабушка прекрасно себя чувствует, спасибо. — Арцах поморщился и поторопился вытащить руку из крепкой хватки Соколова.

Похоже, стычка между ним и Соколовым вышла слишком уж болезненной, раз он не считал нужным скрывать свою неприязнь.

— Простите, что не предлагаю сесть, как видите, некуда. Да и встреча — вот, хотел только познакомиться, взглянуть... — Соколов был почти одного роста со мной. Вблизи было особенно заметно, что взгляд у него отнюдь не мягкий, в отличие от голоса. И смотрел он прямо в глаза.

— Позвольте выразить восхищение. Вы настоящий виртуоз. — Я непринужденно улыбнулась. — Я получила незабываемое удовольствие от концерта. Очень рада, что Арцах Суренович привел меня послушать вас.

Зато улыбка у Соколова оказалась мягкая. Мягкая и понимающая, как у доброго дядюшки, заранее простившего все шалости малолетним племянникам.

В лице нас с Варданием.

— Позвольте вернуть вам комплимент, Евгения Максимовна, — ответил Соколов. — Первый раз вижу, чтобы стилеты так ловко спрятали в носках туфель и в поясе платья. Едва усмотрел.

— Ого. — Я лишь брови вскинула в изумлении. — Меткий у вас взгляд.

— Опыт, опыт... — Соколов потер ладони, переводя взгляд с меня на Варданию и обратно. — Однако час поздний, а задерживать вас было бы невежливо. Вот...

Он протянул мне визитку — очень дорогую на вид, цвета слоновой кости. Я достала из сумочки свою. Озаботилась когда-то сто лет назад для одного дела. Вот и пригодилась.

Арцах терпеливо переживал эти игрища великосветской вежливости; я кожей чувствовала, насколько ему неуютно.

Вероятно, не только я.

— Завтра в Тарасовском художественном музее открывается выставка под названием «Анонимный даритель», — игнорируя Варданию, произнес Артур Лаврентьевич. — Как вы смотрите на то, чтобы встретиться завтра на открытии, в полдень? Скажем, у билетных касс? Чтобы я мог подробнее ввести вас в курс дела?

— В полдень мне вполне удобно, — заверила я.

Черт, придется встать пораньше; а я, типичная сова, не люблю этого.

— Если возникнут осложнения или непредвиденные обстоятельства, я непременно уведомлю вас заранее, Евгения Максимовна. — Соколов явно обрадовался моему согласию.

— Но не раньше девяти тридцати, пожалуйста, — с очаровательной улыбкой попросила я.

— О, разумеется. И вы, в случае чего, обязательно предупредите, если не сможете.

— Разумеется. — В тон ему ответила я. От всех этих *куртуазностей* у меня заняла челюсть. Вот Арцах не утруждался...

Да, чрезмерно благовоспитанные заказчики — это мое отдельное проклятие. Особенно если у меня пока нет возможности сокращать их *расшаркивания* до состояния короткой деловой беседы.

Помню, как-то раз меня нанимали *телохранительствовать* к пожилой бабуле, самой настоящей аристократке с соответствующими манерами. Было это в начале моей карьеры, и возможностей качать права у меня было меньше. Так что на том *собеседовании* мне пришлось выдержать двухчасовое чаепитие с тремя сменами блюд. Включая ломтики огурца, завернутые в лаваш — то был легендарный сэндвич с огурцом.

В моем деле, как по мне, чем конкретнее и честнее, тем лучше. Вежливо, но без всех этих словесных кружавчиков. В них заблудиться можно быстрее, чем в южноамериканских джунглях (бывала, могу сравнивать).

— Евгения Максимовна, было очень приятно с вами познакомиться. — Снова рукопожатие, не слабее первого. Рука у Соколова была трудовая, шершавая, кое-где мозолистая. И одновременно какая-то ухоженно-чувствительная, как хороший инструмент... для взлома, к примеру.

— Взаимно, Артур Лаврентьевич.

— Арцах Суменович, благодарю, что познакомили.

— Надеюсь, у вас все сложится. — Лицо Арцаха говорило об обратном, и руку он пожал неохотно; хотя и не пытался на сей раз первым прервать рукопожатие.

— ...всю душу вынул! — Варданын произнес это уже в гардеробной, в полуподвале консерватории. Между нами и примеркой Соколова было два этажа. — Позвольте?

Это он подал мне пальто.

— Арцах, ну хоть вы-то сегодня будьте попростому, — взмолилась я.

— Хорошо, — хмыкнул он, — назад нагнитесь, я вам *польты* ваши на плечи *вздну*, да и двинем отсюда к такой-то матери!

Молоденькая гардеробщица посмотрела на Варданына неодобрительно. Очевидно, до ее уровня культурного человека он не дотянул.

На улице противно моросило: январь в этом году выдался влажный и теплый. Декабрь был ему под стать. Так что граждане Тарасова зимнюю одежду из шкафов даже и не вынимали. Куда там, по такой парной сырости — еще перепреешь и простудишься.